

М. Иванова

Семейные фотографии

как инструмент выстраивания фамильного биографического проекта

Жизнь современного человека может быть рассмотрена как разворачивающийся во времени биографический проект, который имеет свою внутреннюю логику и предполагает определенную самопрезентацию вовне. Как отмечает Энтони Гидденс¹, в современности “возникают новые механизмы самоидентификации – личность больше не пассивное единство, но развивающийся рефлексивный проект, расположенный в пространстве многочисленных выборов”. Одним из инструментов, с помощью которых разворачивается и представляется этот проект, могут быть фотографии, ведь фотография – это способ фиксации различных жизненных событий. Выстраивание визуального ряда делает возможным конструирование жизненной истории и ее осмысление, основывающееся как на фактической, документальной стороне предъявления образов, так и на той последовательности, в которой они появляются. И не только жизнь одного индивида, но и развитие семьи может быть рассмотрено с точки зрения построения системы связанных самоидентичностей ее членов. Закрепление образов родственников при помощи собирания и оформления фотоматериалов и показ этих фотографий определенным людям в конкретных ситуациях является одним из механизмов, с помощью которых выстраивается идентичность семьи как межпоколенческого биографического проекта. На семейных фотографиях запечатлены те люди, которые имеют какое-либо отношение к созданию семьи, происходящим в ней

¹ Giddens A. Modernity and Self-Identity. Cambridge: Polity Press, 1991.

изменениям, а также те, кто входит в семейное окружение. На основании данных, полученных в ходе массового опроса, а также фокус-групп² рассмотрим, какую роль играют семейные фотографии в выстраивании идентичности россиян как с позиции их отдельной, индивидуальной, жизни, так и в контексте семейно-родственных связей.

Как показали данные опроса, проведенного в 2007 году, большинство людей (91% опрошенных россиян) хранят дома фотографии, на которых изображены их родственники или предки. Судя по высказываниям участников фокус-групп, предполагается, что такие фотографии *“есть у всех”*, в любой семье, пусть даже *“немножко”* (ДФГ, Воронеж). При этом люди часто не отдают себе отчета в том, зачем у них копятся фотографии родственников, которых они даже не знают. Целесообразность хранения старых семейных фотографий для многих не подлежит сомнению и не обсуждается: их невозможно выбросить, потому что такой поступок воспринимается как кощунство.

“После смерти родителей они к нам перешли. Не выбрасывать же эти альбомы, потому что это кощунство – выбрасывать такие вещи. Вот они перешли к нам, а кто эти люди – мы не знаем, и спросить не у кого” (ДФГ, Воронеж).

Показательно мнение участников дискуссионных групп о принципиальной невозможности добровольно уничтожить старые фотографии. Так, в ходе одной из фокус-групп молодой человек рассказал, что его мать после размолвки с ним выкинула все семейные фотографии. Интересно, что остальные респонденты так и не смогли поверить в это. Они пытались убедить молодого человека в сохранности фотографий, апеллируя к тому, что наличие таких фотографий – *“просто присущая человеку потребность”*, и его мать не настолько безнравственна, чтобы пойти на такой шаг, ведь она вырастила вполне приличного сына. Иными словами, хранение семейных фотографий осознается как социальная практика, свидетельствующая о нравственных устоях человека.

“Участница: ...мне кажется, его мама хорошо воспитала, и она... не может быть, чтобы она все фотографии выкинула...”

Модератор: *Не верится.*

Участница: И просто она, может быть, втихаря сидит и их поглядывает. Сыночком любит. Не то что надеяться – вы знайте, что это так и есть” (ДФГ, Москва).

Подобное безотчетное отношение характерно и для хранения семейных фотографий в целом: основные мотивы – это не только *“для памяти”* и *“чтобы внукам показать”* (ДФГ, Санкт-Петербург), но и *“раз храним, значит надо”* (ДФГ, Воронеж). Возможно, не у всех есть возможность и осознанное желание воссоз-

Закрепление образов друзей и родственников при помощи фотоматериалов и показ этих фотографий в определенных ситуациях является одним из механизмов, с помощью которых выстраивается идентичность семьи как межпоколенческого биографического проекта

² Общероссийский опрос населения 24–25 ноября 2007 года (100 населенных пунктов, 44 субъекта РФ, 1500 респондентов). Дискуссионные фокус-группы в Воронеже, Москве и Санкт-Петербурге 27–28 ноября 2007 года.

давать в фотографиях историю своей семьи, однако желание сохранять имеющиеся фото и передавать их детям и внукам встречается довольно часто.

“Участник: Почему – почему солнце светит?”

Участник: Хранишь – и хранишь. Пока глаза видят – и хранишь” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Разделение семейного фотоархива происходит, как правило, в ситуациях, когда изменяется структура семьи: с появлением новой семьи, при разводе, когда разъезжаются в разные места сестры и братья и т. п.

“Нет, ну мы отдельной семьей живем с женой, вот, и у нас свои уже фотографии... Что-то осталось у родителей, что-то я взял с собой” (ДФГ, Москва).

“А семейные фотографии – я у мамы с папой, когда мне будет нужно, попрошу пару-тройку фотографий, где мы с ними вместе, всей семьей, – и всё, остальные мне не нужны... Когда у меня будет семья, я тоже буду хранить семейные фотографии” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“1-й участник: У меня тоже – у родителей и у меня. Потом передам своим детям.

2-я участница: Поскольку мы живем вместе с родителями, они все вместе” (ДФГ, Воронеж).

Хранение семейных фотографий как способ разворачивания идентичности в прошлое

Возможность указать на общих предков и их историю позволяет осваивать не только настоящее, но и прошлое. Посредством передачи семейных фотографий из поколения в поколение выстраивается идентичность семьи во времени.

“Чем больше человек знает о своем прошлом, тем ему комфортнее, такое самосознание – кто он, откуда он. Недаром говорят, там, – «Иван, не помнящий родства», то есть этому человеку очень тяжело..., или вот детдомовские дети – [даже] при достатке они себя психологически очень тяжело чувствуют, потому что они лишены корней. Ну, у человека такая психология...” (ДФГ, Москва).

При этом сами участники фокус-групп говорили о том, что семейные фотографии можно рассматривать в качестве источника представлений о жизни членов семьи как “по горизонтали” (в современности), так и “по вертикали” (в прошлом).

“Это форма существования истории семьи вещественная. Как может, допустим, сын определить, как выглядел его прадед и так далее? Обеспечивает преемственность поколений. Это если иметь в виду собственно семейное фото такого уровня. Если брать семью по горизонтали, то тут уже другая, рекреативная функция: отпуск, допустим, – сделал, смотришь. У меня сын спортсмен – вернулся с соревнований, у него тоже целая сессия” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Для сравнения – какой был, когда был годик-два, если дело касается ребенка. Как он растет, какой он: худенький,

толстенький, большой, маленький, как он растет. Я думаю, что так” (ДФГ, Воронеж).

Просмотр семейных фотографий позволяет расположить себя на временной оси, соотнести свое нынешнее состояние с прошлым, себя сегодняшнего – с тогдашним либо с жившими тогда родственниками, предками. История семьи позволяет освоить иное временное пространство, а изображенные на фотографиях родственники становятся как бы твоими агентами в том времени.

“Часть твоей жизни. И ты таким образом поэтапно можешь просмотреть не только свою жизнь, но и жизнь своих близких. И ты видишь разницу. Вот, например, проходит выставка «Венера советская», идет фильм сороковых годов и произведение на эту же тему – и ты видишь, прямо ощущаешь эту эпоху. Она отражена полностью” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Участник: Интересен еще такой момент. Внуку у меня похож на своего прадедушку. Ну, как две капли воды.

Модератор: То есть восстанавливаются линейно фамильные черты?” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Участник: Парк Кагановича знаете? Динамо. Вот у меня есть фотографии моих родителей, они там сидят. Там фонтанчик был...

Модератор: Это в каком году сделана фотография?

Участник: Сейчас я вам скажу, это 1953 год. Вот как раз после смерти Сталина это все было. Он же тогда назывался парк Кагановича, а сейчас – Динамо. Там был фонтанчик, сейчас он не такой; и родители молодые такие” (ДФГ, Воронеж).

Участники фокус-групп говорили, что у них хранятся фотографии, сделанные в самое разное время: от конца XIX века до последних нескольких лет. Согласно данным массового опроса, две пятых россиян (41%) датируют самые старые семейные фото в своих архивах 1920–1950-ми годами; пятая часть (20%) – 1960–1980-ми годами. Фотографии начала прошлого века (1901–1920 годов), а также сделанные до 1900 года есть соответственно у 6 и 7% наших сограждан. Только 4% опрошенных заявили, что самые старые из хранящихся у них фото относятся к периоду после 1990 года.

“Ну да, вот это вот я вам говорю, картонные там, 1862-й год” (ДФГ, Москва).

“Самая старая у меня 14-го года, дедушка был в Первую мировую войну, он с братом сидит, они были награждены оружием, шпаги такие...” (ДФГ, Воронеж).

“Участница: Ну, я думаю, что не ранее, чем 30-го. Ну, 20-е.

Модератор: 20-е – тоже все-таки давно. Там кто изображен?

Участница: Какие-то там бабушки, дедушки, прадедушки, прабабушки” (ДФГ, Москва).

Различные мнения высказывались и относительно того, насколько давние фотографии нужно хранить в семейном архиве. Чаще всего участники дискуссионных групп говорили о том, что старые фотокарточки хранить нужно, даже если неизвестно, кто на них изображен; хотя наиболее интересными все же являются фотографии с близкими родственниками по прямой линии. Видимо,

Целесообразность хранения старых семейных фотографий для многих не подлежит сомнению и не обсуждается: их невозможно выбросить, потому что такой поступок воспринимается как кощунство

это связано с тем, общаются или не общаются люди с дальними родственниками: чем плотнее общение с троюродными и прочими родственниками, родней из других стран и городов, тем более осмысленно хранение и рассматривание фото общих предков.

“Я хочу сказать, что мне вот все эти дяди и тети как-то не очень интересны, а вот то, что касается прямой линии, там, моя бабушка, мой дедушка, родные братья моего отца и моей матери... А вот двоюродные мне уже, то есть как чужие” (ДФГ, Воронеж).

Крайне редко, но все же высказывалась точка зрения, согласно которой не нужно хранить фотографии родственников более дальних, чем дедушки и бабушки. Такое мнение обосновывалось тем, что детям будут неинтересны частные фото их прапрабабушек. Возможно, речь шла не о выбрасывании всех старых фотографий, а скорее об отборе нескольких снимков, например, отражающих наиболее важные события: свадьбы, рождение детей и так далее.

“Участница: Ну, смотря за какой период. Естественно, свои, мамы-папы, бабушек-дедушек – их нужно хранить, а остальные фотографии, мне кажется, большого смысла нет.

Модератор: Почему Вам так кажется?

Участница: Потому что все равно это будет неинтересно следующему поколению. Уже будет другая реальность, другие люди вокруг – никто не будет знать свою прапрабабушку” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Ретрансляторы семейной идентичности: история семьи как вербальный и визуальный нарратив

При опросе более половины респондентов (54%) сказали, что могут назвать всех, кто изображен на самых старых семейных фото; примерно четверть опрошенных (28%) заявили, что знают большинство, 6% – меньшинство изображенных на этих фотографиях. Участники фокус-групп тоже, как правило, осведомлены о том, кто изображен на фотографиях (могут назвать если не всех, то по крайней мере родственников).

“Вроде нет таких фотографий, где никого не знаю. Единственные родственники, которых я могу не знать и которые далеко живут, – это мой дядя и сестра моего дедушки” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Да, особенно начало века, там уже никто не может идентифицировать этих людей – то ли это прадедушка, то ли это друг прадедушки, то ли это его дядя – вообще непонятно. Или там семидесятые годы – то ли это какие-то друзья, то ли родственники” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Чаще всего россияне знают о тех, кто запечатлен на хранящихся в семье старых фото, поскольку знакомы с ними лично (57%) или слышали рассказы старших родственников (58%); существенно реже (17%) в качестве источника информации упоминались подписи в альбомах или на самих фотографиях³.

Многие участники дискуссионных групп говорили о том, что семейная история передается в рассказах старших родственников и что они сами готовы ретранслировать ее своим детям. В семье обычно есть человек, который знает

³ На вопрос можно было дать любое число ответов.

большинство изображенных на фото, старается собрать информацию у других родственников.

“Нет, ну я-то могу многого не знать, а папа все знает. А таких, чтобы никто не знал – нету. Про всех кто-то знает” (ДФГ, Санкт-Петербург).

1-я участница: *А мне вот бабушка рассказывала.*

2-я участница: *У бабушки смотрела тоже”* (ДФГ, Москва).

“Модератор: *А каким образом вообще, на ваш взгляд, передаются вот эти истории семьи? В том случае, когда они передаются.*

1-й участник: *Расспрашивать надо у старшего поколения.*

2-я участница: *Пока живые.*

3-я участница: *Устное народное творчество, из уст в уста”* (ДФГ, Воронеж).

“А у меня, к сожалению, как раз недавно тридцать лет было сыну, и я увидела, что все фотографии в разрозненном состоянии. Мы сейчас хотим сделать такой альбом” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Таким образом, фигура того члена семьи, который берет на себя обязанности рассказчика, посредника между прошлыми и нынешними поколениями, достаточно важна. В этой ситуации история семьи воспроизводится или конструируется в нарративе при использовании как вербальных, так и визуальных средств. Выстраивание нарратива предполагает наличие рассказывающего и слушающего.

При этом одни говорят, что им было скучно слушать в детстве рассказы о людях, изображенных на фотографиях, а другие, напротив, обижены на родителей, не передавших сведений о предках. В любом случае на человека, который озвучивает эти рассказы, ложится ответственность не только за сам факт рассказа, но и за то, чтобы вызвать определенный интерес у слушателя. В то же время предполагается, что и сами слушатели должны быть заинтересованы в получении информации об истории своей семьи, – участники дискуссионных групп часто говорили, что сожалеют о том, что не расспрашивали пожилых родственников, пока те были живы. Иными словами, для успешности нарратива необходимы как активная позиция рассказчика, который привлечет слушателя, так и активная, заинтересованная позиция самого слушателя.

“Например, я не знаю не потому, что я не интересуюсь, а потому, что, например, моя мать – человек достаточно замкнутый, и она не знала, она мне не смогла передать” (ДФГ, Москва).

“Мне неинтересно, меня это раздражает, когда бабушка в детстве усаживала: «Вот, посмотри, прабабушка, прадедушка, то, сё». Если меня нет на фотографии, мне смотреть неинтересно” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Там у меня, наверно, я точно не знаю, прадедушки, прабабушки, может, прапрадедушки, прапрабабушки родителей, дальние родственники. Просто я не уточняла, потому что сейчас не у кого, все, кто знал, уже умерли, и просто не успела, скажем так” (ДФГ, Воронеж).

Высказывалось мнение, что сегодняшние фотографии нужны не для того, чтобы самому помнить обыденные события своей жизни, а чтобы об этих событиях и их участниках знали и помнили потомки (*“может быть, это будет*

Хранение семейных фотографий осознается как социальная практика, свидетельствующая о нравственных устоях человека

интересно нашим детям”). По-видимому, это говорит о том, что имеющиеся фотографии перейдут из статуса просто фотографий в статус фотографий семейных тогда, когда на них будут изображены события, которые будут четко помнить не все из присутствующих, то есть когда кто-то получит роль передающего историю семьи, а кто-то – получающего. Тогда фотографии перейдут из

“горизонталь” повседневного в “вертикаль” семейного биографического проекта.

“Потому что их нет, и я лишний раз не хочу бедить душу. Я вообще их просто принципиально не смотрю. <...> Они у меня в памяти вот здесь, в душе. Я их прекрасно помню лица. А лишний раз смотреть и рыдать над ними – вот этой памяти я не понимаю. Пусть будет смотреть мой сын, он не так это близко к сердцу принимает. Хотя я, конечно, понимаю, это его бабушка с дедушкой. Он будет переживать. Его дети будут смотреть, для них это будет не так больно” (ДФГ, Воронеж).

По мнению многих участников фокус-групп, фотографии – это “история не только нашей семьи – и история страны нашей” (ДФГ, Санкт-

Петербург). И это подтверждается не только тем, что и как изображено на карточках, но и степенью сохранности фото. Некоторые говорили о том, что их семейные фотографии были утрачены из-за того, что в определенные периоды в нашей стране было рискованно сохранять саму историю семьи, если в ней фигурировали “нежелательные социальные элементы”, другие упоминали о пропаже фотоархивов во время пожаров, бомбежек.

Участница: У меня в семье молчали и боялись, у меня очень семья такая...

Модератор: Из-за репрессий?

Участница: Да. Я поэтому и удивляюсь, вот как у Анны фотография...

Модератор: Белогвардейская?” (ДФГ, Москва).

“У меня родители воронежские, и они попали под бомбежку, и архивы все сгорели. У меня только одна или две фотографии 46-го года, а все остальные – поздние” (ДФГ, Воронеж).

Фотографии, сопровождающиеся пояснениями рассказчика-родственника либо снабженные подписями, признаются более важным источником информации. С одной стороны, кто-то, памятуя о своем опыте, считает, что детям слишком скучно просто смотреть фотографии, для них нужно “историю передать на словах, устно”. Однако другие говорят, что “любая книжка лучше с картинкой, если это история – то, конечно, это иллюстрация” (ДФГ, Санкт-Петербург). Фото вписывается в ряд других механизмов передачи истории семьи, в который входят семейные рассказы и предания, письма, какие-то памятные вещи и т. п.

Модератор: Еще? Каким образом чаще всего передается история семьи?

1-я участница: Чаще всего устно.

2-й участник: По фотографиям.

3-й участник: Еще и письма” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Рассказы, сопровождающие показ фото, могут быть очень разными по насыщенности и подробности: от простого называния степеней родства до историй, которые связаны с людьми, изображенными на фотографиях.

“Если сейчас возьму альбом, я, конечно, вспомню: это – дедушка, это – брат дедушкин мотоцикл «Ява» кутил, на следующий день разбил, ну, вот такое” (ДФГ, Воронеж).

Заменой рассказам могут быть подписи, пояснения к фотографиям.

“Попадают, конечно, такие персонажи, поэтому я стараюсь современные фотографии, то, что на бумаге, подписывать и датировать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“1-я участница: Очень часто, было время, на обороте писали: «От... на долгую память такой-то и такой-то». Это для старинной фотографии очень характерно. Именно фотографировались и посылали родственникам, друзьям именно на память. Они потому и такого качества фотографии – они сделаны стационарно, определенная поза, долго...”

2-й участник: С надписью. И обычно спереди тоже написано, кто сделал, в какой мастерской” (ДФГ, Москва).

Ситуации, в которых показывают фото

Судя по ответам на открытый вопрос, респонденты смотрят семейные фотографии прежде всего в кругу родных и близких (“в компании родственников”), в частности – когда приходят гости (28%); в качестве повода для просмотра фотографий упоминаются также различные праздники – годовщины, дни рождения, юбилеи (6%). Высказывания участников фокус-групп также свидетельствуют о том, что семейные фотографии показываются на различных семейных событиях.

“1-я участница: Только я смотрю. Родители вообще не интересуются, только по юбилеям.”

2-я участница: Я смотрю, если ко мне брат или сестра приезжают из своих стран, где они живут, и мы вспоминаем, смотрим – это наша семья” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Может быть, какой-нибудь праздник – там, день рождения...” (ДФГ, Воронеж).

“Мы сами смотрим... или... к маме какие-то гости приходят на день рождения, там, на Новый год – мы им показываем, им нравятся...” (ДФГ, Москва).

Особенный повод – введение в семью нового члена, знакомство которого с обстановкой предполагает и знакомство с визуальным аспектом семейной истории.

“Участница: Когда приходит новый человек в семью, его знакомят с семьей через фотографии.”

Модератор: *Сейчас это осталось, сохранилась такая традиция?*

Участница: *Я думаю, да”* (ДФГ, Санкт-Петербург).

Возможность указать на общих предков и их историю позволяет осваивать не только настоящее, но и прошлое. Посредством передачи семейных фотографий из поколения в поколение выстраивается идентичность семьи во времени

Выстраивание образа семьи – не единственная роль семейных фотографий, ведь на них запечатлены не только родственники, но и друзья, сослуживцы и другие люди, которые связаны с семьей, входят в ее окружение.

“Вот у меня друг есть, например, вместе служили. Пришел, да, вытили по-немножечку. «Давай-ка вспомним, посмотрим, какие мы молодые были. Ой! А это кто? – А это этот. – Да не может быть! – Да. – Ты его видел? – Да нет, не видел». Вот это повод был” (ДФГ, Воронеж).

При этом презентация семейных фотографий происходит не только “внутри” – для тех, кто на них запечатлен или причастен к этому, но и “вовне” – чтобы рассказать старым и новым знакомым о своей семье.

“Ну, если кто-то придет, когда вот встречаемся институтские, даже со старой работы иногда, дружим, вот встречаемся когда – имеем при себе фотографии” (ДФГ, Москва).

Участники ДФГ давали разные ответы на вопрос о том, стоит ли показывать семейные фото посторонним людям, не родственникам, и делают ли это они са-

ми. Одни говорили, что показывают, когда к ним приходят гости, потому что это интересно гостям, другие считают рассматривание семейных фотографий интимным, личным, внутрисемейным делом.

“1-й участник: Сейчас это гораздо реже делают. У меня практически момент возврата к тем фото, которые систематизировал и положил в альбом, редко-редко. Только по мере необходимости – что-то вспомнить, восстановить – обращаешься. А показывать кому-то не вполне тонно, не попадешь в тон. Пришел человек – ну зачем его грузить? Ценные для тебя, но для постороннего нулевая это информация. Лучшие общаться на темы, которые нравятся и близкие для всех сторон.”

2-я участница: Да, когда юбилей, всегда вытаскивается десять старых альбомов, и несчастные гости смотрят их три часа.”

1-й участник: Нет, это, конечно, издевательство. Я стараюсь такие ситуации избегать” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Я считаю, что это глубоко личное, и если человек никого не знает, то что ему сидеть и рассказывать?” (ДФГ, Воронеж).

“Когда вот кто-то приходит, я всегда показываю и сама люблю вечером смотреть” (ДФГ, Москва).

“Вот сейчас, если я показываю, может быть, чтобы я скорее познакомилась с новым человеком, подружку какую-нибудь пригласила в гости, ну, вот она интересуется – какая я была в школе, когда училась там, тоже, кто у меня прадедушка, прабабушка (у меня прадедушка был купец первой гильдии), она говорит: ну покажи, как он выглядит... В таком случае показываю” (ДФГ, Москва).

Обращение к семейным фото носит зачастую очень личный характер – об этом свидетельствует тот факт, что люди смотрят фотографии и без формального повода, причем смотрят сами, не показывая другим. Так, по данным опроса, многих к просмотру семейных фото побуждает ностальгия, воспоминания о про-

Многие участники фокус-групп фотографии в электронном виде воспринимают как нечто недолговечное и незначимое – в отличие от бумажных фотокарточек. Говорится также, что фотографии в электронном виде не дают такого эмоционального отклика: их нельзя потрогать, они не вызывают такого теплого чувства

шлом (“когда душа по кому-то заболит, тогда и смотрю, чтобы вспомнить” – 13%), некоторых – плохое настроение (6%). Еще один распространенный, хотя и несколько неопределенный вариант ответа на предложенный вопрос – “под настроение, это непредсказуемо, по желанию” (11%).

“Бывает такое вот настроение, что просто достает, закрываешься в комнате и смотришь. Окунаешься в эту обстановку. Но это редко бывает” (ДФГ, Москва).

“Я, например, люблю сидеть и смотреть, рассматривать, время от времени. Сажу и смотрю. Меня, например, это успокаивает” (ДФГ, Воронеж).

Кроме того, люди достаточно часто смотрят семейные фотографии, чтобы не только “на других посмотреть”, но и “себя показать”, то есть рассмотреть свой образ и соотнести себя с ним, при этом закрепив это свидетельством окружающих о том, что это действительно ты, твоя визуальная история.

“Участница: У меня сын очень любит смотреть свой альбом вместе со мной «Мам, расскажи вот про это». То есть фотографии, где он изображен. То есть расскажи про него же самого.

Модератор: Истории про себя.

Участница: Да” (ДФГ, Воронеж).

“Моя мама говорит: «Еще раз покажи, какая я была симпатичная в молодости». Я показываю – она очень радуется” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Способы хранения семейных фотографий

Наиболее популярным способом хранения семейных фото является помещение их в фотоальбомы – такой способ отметили 82% опрошенных. У трети респондентов фотографии стоят или висят в рамках (32%); у пятой части (20%) – хранятся стопками в коробках, папках или пакетах; у 4% – лежат где-то среди прочих вещей.

“У меня наступил такой момент, когда есть слайды, есть несколько альбомчиков и есть несколько коробок с черно-белыми и цветными фотографиями, которые надо приводить в порядок” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“В рамках стоят родители... и сестра, и дети. И я” (ДФГ, Москва).

“Наверное, три альбома старого типа, по формату большие”

(ДФГ, Санкт-Петербург).

В ходе массового опроса некоторые респонденты (1%), отвечая на вопрос о способе хранения семейных фотокарточек, выбрали позицию “другое” и указали (в открытой форме), что хранят семейные фотографии на электронных носителях: “на дисках”, “в компьютере, в кристаллах”; “в телефоне”. В ходе же фокус-групп довольно часто упоминался именно электронный формат хранения семейных фотографий.

Характерно, что именно этот вариант хранения семейных фото вызывал самые противоречивые отклики. Интересно, что многими участниками фокус-групп фотографии в электронном виде

воспринимаются как нечто недолговечное и незначимое – в отличие от бумажных фотокарточек.

“Знаете, я все-таки предпочитаю распечатывать с компьютера, несмотря на то, что у меня отсканированы фотографии, и фотографий, размещенных в Интернете, много, – все-таки предпочитаю распечатывать и хранить в бумажном виде... И надежнее, и привычнее” (ДФГ, Воронеж).

Кроме того, многим фотографии в электронном виде не дают такого эмоционального отклика: их нельзя потрогать, они не вызывают такого теплого чувства, не “передают энергетики”.

“1-я участница: Даже непонятно. Мне кажется, что это психологический фактор. Потому что фотография распечатанная воспринимается по-другому, чем фотография в компьютере. Иногда фотография распечатанная в альбоме нравится, а на компьютере – нет, и наоборот. И когда фотографии распечатываешь, они становятся более любимыми, ты замечаешь больше подробностей, они производят на тебя большее впечатление.”

2-й участник: В бумажную фотографию можно тыкать пальцем и спрашивать – кто это? В компьютер обычно не дают потыкать пальцем” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“В моем понятии настоящая или не настоящая – вот так же, как книга. Вот хорошая книга, ее в руки приятно взять, а... по компьютеру там чего-то читать – это совершенно другое ощущение. И так же фотографию: взять в руки настоящую фотографию – или на компьютере ее...” (ДФГ, Москва).

Выкладывание же фотографий на всеобщее обозрение в Интернете нарушает ощущение интимности.

“Восприятие меняется, хотя есть такой сайт – vkontakte.ru, где я разместила по темам свои фотографии, там тоже можно как электронный альбом просматривать. Но восприятие меняется, потому что ты ощущаешь, что на эти фотографии в Интернете смотрят люди, кому-то еще она доступна. А то, что у тебя в альбоме, – это твое личное, от этого становится лучше, восприятие меняется в лучшую сторону” (ДФГ, Санкт-Петербург).

Многие респонденты не только хранят новые фотографии, фото современного периода, в электронном виде, но и переводят в такой формат старые фотографии. То есть предпочитают промежуточный вариант, когда фотографии хранятся и в электронном виде (изначально или отсканированные), и распечатываются, и оформляются в виде альбомов.

“Ну, вот старые родительские альбомы и современные, моей семьи – в цифровом варианте. Только в цифровом, в бумажном нет” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“Участник: Со мной бумажные – только детские, я их не храню. Они у родителей, у сестры, еще у кого-то. Лично у меня их нет, у родителей где-то есть, но я никогда не видел у них альбом, у нас это не принято. Компь-

Семейная история обычно передается в рассказах старших родственников. Фигура того члена семьи, который берет на себя обязанности рассказчика, посредника между прошлыми и нынешними поколениями, достаточно важна: на него ложится ответственность не только за сам факт рассказа, но и за то, чтобы вызвать определенный интерес у слушателя

ютеризация хорошо затронула нашу семью, у нас четыре компьютера в семье, у них тоже большинство фотографий в «цифре»».

Модератор: Но бумажные все-таки где-то лежат?

Участник: Я те бумажные, которые хотел сохранить, отсканировал. Родители, может быть, тоже, я не знаю» (ДФГ, Санкт-Петербург).

Участники фокус-групп перечисляют множество достоинств этой формы: можно не только собирать фотографии, чтобы они занимали меньше места, но и восстанавливать при помощи компьютерной обработки выцветшие и нечеткие фотографии. Также отмечалось, что цифровой формат открывает новые возможности для обмена фотографиями между родственниками, когда отдаются электронные копии.

“А их носить легче, оцифрованные, зато. Их на флешку скидываешь, и вот оно все в такой штучке, а не в таком альбоме” (ДФГ, Санкт-Петербург).

“...Там был такой вообще китеж... Она их все отдала, эти старые фотографии, они такие... Смотрят – ой, вот это да, говорят. Ну, там вообще одна была прямо разорвана, и там вот пиджак... Ну там дяденьки половины не было просто... Она их восстановила, да, она так все сделала, что... Ну то есть идеально. Нормально – обычная фотография... даже каждую крапинку убрала оттуда... Всем было так интересно. Они все попросили себе копии и... в общем, всем раздали, принесли болванки все” (ДФГ, Москва).

Особенно показательна разница в отношении к избавлению от семейных фотографий в разных форматах. Если выкинуть старые бумажные фотокарточки *“рука не поднимается”*, то фото в электронном виде *“периодически просматриваешь на тему удалить, потому что память не резиновая”* (ДФГ, Воронеж).

По-видимому, здесь играет роль разделение “свое – чужое”: не следует забывать, что если на электронных носителях, как правило, хранятся фотографии самого человека и его домочадцев, то на старых фотографиях изображены чаще его старшие родственники, предки. Отсюда – двойственность статуса старых фотографий: ими нельзя распорядиться по собственному усмотрению (например, отобрать те, которые нравятся, а остальные выбросить), потому что они “чужие”; и одновременно их нужно хранить, потому что они “свои”, – на них запечатлены прямые родственники и предки. И чем “старше” фотография, тем выше ее ценность в общем контексте семейного биографического проекта. При перемещении фотографии с повседневной “горизонтальной” на биографическую “вертикаль” человек как бы перестает быть ее владельцем и становится хранителем, несущим ответственность за то, чтобы передать семейный проект своим детям, внукам и другим младшим родственникам. Однако играет роль также и расположение фотокарточки по оси “свои – чужие”: фотографии, удаляющиеся на слишком большое расстояние по направлению к отметке “чужие”, теряют свой статус неприкосновенности и постепенно становятся не предметом, который надлежит хранить, а предметом, которым можно распорядиться по своему разумению.

